

В. Л. СОСКИН

ЗГС (57)

с - 663

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
СИБИРИ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

(конец 1917 — начало 1921 гг.)

852496

Омская областная
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НОВОСИБИРСК
1965

бассейне, а затем в железнодорожных поселках линии Иркутск—Нижнеудинск. Губоно сообщал, что спектакли ставились «исключительно для рабочих» и «впечатление, произведенное передвижным театром на рабочие массы, громадно»¹²⁵. Такие же вести шли из Минусинска, Ачинска, Барнаула и других мест.

Масштабы деятельности театральных коллективов были довольно значительными. Так, драматическо-музыкальной труппой, хором и оркестром Красноярского губоно за первые шесть месяцев 1920 г. было устроено 130 спектаклей и концертов, на которых побывало около 80 тыс. чел. Если прибавить к деятельности 4 тыс. работников сцены (в том числе и технических), которые насчитывались в Сибири, работу многочисленных кружков любителей, возникавших чуть ли не в каждом сибирском селе, то будет понятно, почему во многих сообщениях с мест говорилось, что «деревня заражена спектаклями». Спектакли и концерты — наиболее доходчивая форма культурного влияния. С нее часто начиналась систематическая работа по просвещению крестьянства.

Отсутствие хорошего революционного репертуара заставляло театральных работников ориентироваться в основном на классику. Рассматривая работу в 1920 г. как начало ознакомления «пролетарских масс с лучшими достижениями прошлого в области сценического искусства», подотдел искусств Сибоно справедливо видел в этом одно из главных своих достижений¹²⁶.

Стремлением служить народу своим искусством характеризовалась и деятельность прогрессивных художников. В Омске, Барнауле, Иркутске были открыты художественные выставки. Многие художники оформляли рабочие клубы, общественные здания, рисовали плакаты. В Иркутске, например, в этой работе очень активно участвовало Иркутское общество художников¹²⁷. Было положено начало пропаганде монументального искусства, созданы проекты революционных памятников. В Омске, например, на этом поприще успешно трудился известный впоследствии скульптор И. Д. Шадр. Его работу поддерживал Сибревком¹²⁸.

Существовала в Сибири и даже делала первые самостоятельные шаги самая молодая отрасль искусства — кино. При Сибоно был создан фотокиноотдел, который главным образом занимался снабжением кинотеатров фильмами. Инициатива работников Красноярского губоно позволила пойти

¹²⁵ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 125, л. 124.

¹²⁶ ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 380, л. 10.

¹²⁷ ГАИО, ф. 160, оп. 1, д. 20, л. 22.

¹²⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 2263, л. 705.

далее — от проката к производству собственных документальных фильмов. В 1920 г. было создано четыре хроникальные ленты, в которых отражены такие сюжеты, как приезд М. И. Калинина в Красноярск, празднование годовщины Октябрьской революции, выпуск паровозов и вагонов из мастерских — подарок Западному фронту и др.¹²⁹

В первые же месяцы после освобождения Сибири от Колчака возникло много различных художественных курсов, студий, школ, училищ. Некоторые из них были весьма крупными учебными заведениями. В Красноярской консерватории, например, обучалось 480, в Новониколаевской музыкальной школе — 269 чел.¹³⁰ и т. д. Будучи отражением тяги масс к художественному образованию, это явилось также результатом переоценки роли художественного воспитания со стороны отдельных руководителей. Поэтому в известной мере был прав Д. К. Чудинов, заявивший однажды о «засилье учреждений искусства» по отношению, например, к школам¹³¹.

Если руководители Сибоно правильно понимали назначение искусства, видя, в частности, задачи музыкальных учебных заведений в пропаганде «образцов подлинного музыкального творчества, развитии здорового музыкального вкуса в широких рабоче-крестьянских массах»¹³², то далеко не все руководители учреждений искусства имели четкое представление о их роли в Советской республике. Во главе некоторых стояли «левые» деятели, а иногда просто чуждые элементы.

В Сибири стали возникать и организации «Пролеткульта», причем в Барнауле, например, его вывеской воспользовались явно враждебные Советской власти лица. Здешний «Пролеткульт» возник сразу же после изгнания из города белогвардейцев и состоял, как отмечалось в отчете Алтайского губернского организационного бюро РКП(б) из «безработной интеллигенции вплоть до монархистов». 19 января 1920 г. «Пролеткульт» был распущен, а руководство культурными учреждениями сосредоточено полностью в губоно¹³³.

Чему учили пролеткультовские «воспитатели», можно судить по инструктивному выступлению заведующего секцией искусств Новониколаевского гороно Н. М. Тарабукина на

¹²⁹ ГАКК, ф. 93, оп. 1, д. 134, лл. 69—70.

¹³⁰ ГАКК, ф. 93, оп. 1, д. 172, л. 129; ГАТО, ф. р-28, оп. 1, д. 58, л. 5.

¹³¹ ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 461, л. 50.

¹³² ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 380, л. 12.

¹³³ ЦПАИМД, ф. 17, оп. 5, д. 3, л. 13; ПААК, ф. 1061, оп. 1, д. 191, л. 22; «Борьба за власть Советов на Алтае» (Исторический очерк). Барнаул, 1957, стр. 437.

1-й конференции культпросветов¹³⁴. Ставя все время в пример московских художников-формалистов Альтмана и Малевича, он «доказывал», что сибириаки «черносотенцы» в искусстве и что провинция все еще «переживает псевдореализм передвижничества». Тарабукин «разъяснял», что «форма искусства должна меняться с переменой социальных условий» и что Советская власть якобы «крайне озабочена созданием особого пролетарского искусства». Нехватка кадров — не беда. «Быть может, нужно радоваться, что нет людей, ибо это обстоятельство заставит народ самого искать пути к своей правде в искусстве». К концу своей речи Тарабукин договорился до заявления: «Стонт ли «огород городить» из-за того, чтобы научить кого-то писать так, как, например, писал Репин, или научить народ «понимать» того же Репина? Дело, видимо, совсем в другом... Репины были, и я глубоко сомневаюсь, нужны ли они еще»¹³⁵.

От ошибок пролеткультовского толка не свободно было и решение I Общесибирского съезда по внешкольному образованию (май 1920 г.). В одной из резолюций, в частности, говорилось: «Оставшиеся им (трудящимся. — В. С.) в наследство от буржуазного строя знания, наука и искусство, методы распространения их не соответствуют революционным стремлениям трудящихся и являются фактором, задерживающим рождение новых форм и строительство новой жизни. Нужна иная, своя, пролетарская наука, иные методы усвоения ее...»¹³⁶.

Борьба за подлинно социалистическое искусство была длительной и сложной и в то время только начиналась. Развитие в области искусства, как и в культуре в целом, шло пока главным образом вширь.

* * *

В становлении советской культуры в Сибири огромная роль принадлежала печати. Эта роль двояка. Будучи важнейшим средством массового (прежде всего политического) просвещения и обладая большей, чем какой-либо другой вид культурного воздействия, печать выполняла и орга-

¹³⁴ Кстати, в 1921—1923 гг. Н. М. Тарабукин стал одним из главнейших деятелей Института художественной культуры — «идейного» центра формализма в СССР (см. «Борьба за реализм в изобразительном искусстве 20-х годов», М., 1961, стр. 9).

¹³⁵ Труды 1-й городской конференции культпросветов по вопросам внешкольного строительства, созванной Новониколаевским отделом народного образования 15—25 марта 1920 г. Новониколаевск, 1920, стр. 80—81, 83.

¹³⁶ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1178, л. 8.

низаторские функции. Она служила одним из тех рычагов, с помощью которых партийные комитеты осуществляли связь с массами и руководство культурным строительством. Ленинский принцип: «газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»¹³⁷ неуклонно проводился и в новую эпоху. Поэтому вполне понятно, почему партийные комитеты вопросам печати уделяли, можно сказать без преувеличения, первостепенное внимание. В этом убеждает хотя бы простое рассмотрение протоколов Сиббюро ЦК РКП(б) и губернских партийных комитетов.

Организация революционной власти и выпуск газет — с этого начиналась жизнь в освобожденной Сибири. Нередко бывало, что газеты служили первыми вестниками победы. Особенно это относится к военной прессе, сыгравшей, как и Красная Армия в целом, роль одного из организаторов культурного возрождения Сибири.

Среди армейских газет выделялся орган политотдела Военно-Революционного Совета 5-й армии «Красный стрелок». Газета была создана в апреле 1919 г. Издавалась она в походной типографии. Вместе с армией газета прошла всю Сибирь от Урала до Иркутска, где продолжала выходить уже после окончания военных действий. «Красный стрелок» был не только верным спутником бойцов, первым информатором населения, но и одним из организаторов советской печати в Сибири.

Центральной партийно-советской газетой Сибири была «Советская Сибирь». Она начала выходить 18 сентября 1919 г. на южном Урале сначала как орган Челябинского ревкома, комитета партии и Сибревкома под названием «Степная коммуна», а с 1 октября 1919 г. переименована в «Советскую Сибирь»¹³⁸. С прибытием Сибревкома в Омск здесь тиражом в 20 тыс. экземпляров стала выходить и «Советская Сибирь».

Редактором газеты был Е. М. Ярославский, выступавший на страницах газеты почти ежедневно с политическими статьями, международными обзорами и заметками на темы текущей жизни Сибири. Много внимания Е. М. Ярославский уделял развитию местной печати. Он анализировал причины недостатков, приветствовал полезную инициативу, стремился распространить удачный опыт. Примером может служить статья «Образцовая газета». В ней Е. М. Ярославский отметил деловую и вместе с тем живую по форме газету Болотниковского РК РКП(б) «Пролетарская мысль» и подверг крити-

¹³⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 11.

¹³⁸ «Сибревком», стр. 421.